

“СПАСИТЕЛЬНЫЙ ПОСОХ...”

Дорогой наш человек, Станислав Юрьевич!

Когда я благоговейно открываю первую страницу “Нашего современника”, то чувствую журнал как спасительный посох в руках, с которым иду, словно по ступеням к высотам духа. У меня появляется в руках меч, занесённый над предательством и ложью, над теми, кто грабит мою Русь. “Наш современник” – это мой жизненный путеводитель, моя правда, которая превышает серебра и золота. И верно, что она неборима, что разорвёт паутину расщепления, опутывающую человеческие сердца. Каждое слово в журнале, как крик, как призыв: “Россия, Русь, храни себя, храни!”

Своей жизнью, своими ранами мой отец, возивший на передовую на полуторке снаряды в Великую Отечественную, призывал очищать Отечество от нечисти. Это и его знамя взвилось над поверженным Берлином:

*Оно вознеслось, трепетало,
Чтоб не было жизни конца!
Победное, юное, алое
В пробитой руке у отца.*

Я живу в городе, где родился П. И. Багратион, – краса русского войска, герой Отечественной войны 1812 года. На улицу своего имени, на улицу имени Багратиона он пришёл из бессмертия, отлитый в бронзу, чтобы через столетия крикнуть своим потомкам: “Умри, а Родину и честь не отдавай никому!” Эти слова, как завещание, запечатлены на памятнике легендарному герою.

Мои земляки жизнью заплатили за Победу, не вернулись домой, навеки остались в заснеженных полях России. Не пришёл с войны отец моей подруги Вальки Плетухиной. Несколько лет подряд, не веря “похоронке”, она с букетиком полевых ромашек приходила на перекрёсток дорог, вглядываясь вдаль. И, не дождавшись, со слезами на глазах, возвращалась в хуторок.

*Храм детства, болью рассечённый,
И на ромашках — седина.
Отцу букетик невручённый
Дымами кутает война.
И пообуглились берёзы,
И леденит, рыдая, ветер...
Моей подруги, Вальки, слёзы
Дрожат, как раны на столетье.*

Теперь её внуки приходят в городской парк к Алее памяти. Михаил Плетухин запечатлён там одной-единственной железной строкой, омытой детскими слезами. Пусть эти слёзы сожгут тех, кто пытается предать Великую Победу. Не дадим пробить бесчестьем, ложью бессмертное Знамя Победы. И пусть правда, добро всегда будет “с кулаками”.

Когда на наш городок на Тереке напали боевики под предводительством Радуева, когда несколько тысяч кизлярцев под дулами автоматов были согнаны в городскую больницу, то заведующий стоматологическим отделением городской больницы А. Д. Саламов, одев поверх пальто белый халат, ставший парламентёрским флагом, рискуя жизнью, под разрывами пуль и снарядов, пошёл в здание, где засели бандиты. Там творились страшные дела. Как свеча, сгорел юный милиционер, подожжённый боевиками. Погибло более пятидесяти кизлярцев. А. Д. Саламов добровольно, по зову чести и совести пришёл в логово бандитов, стал призывать к благоразумию боевиков и не думал о том, что находится на пороховой бочке, что заминированная больница в любой момент может взлететь на воздух. Он внёс свой вклад в освобождение ни в чём не повинных людей. Теперь на груди у Саламова орден Мужества и... незапятнанная честь белого халата при нём. Заядлый охотник, он, переживший этот ужас, хранит ружьё как сувенир. Даже в птицу выстрелить теперь не может.

Станислав Юрьевич! Смотрю на Ваш портрет, помещённый в журнале в честь юбилея. И всё-таки сквозь сеть морщинок, серебро седины – свет, проникающий в душу, зовущий защищать добро, которое “должно быть с кулаками”.

Валентина Фоменко,
заслуженный работник культуры Республики Дагестан,
г. Кизляр

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Недавно прочёл Вашу книгу “Возвращенцы”. Удивляюсь Вашей пронзительности и смелости, Станислав Юрьевич, в оценке еврейства. Я представляю, как Вы устали от этой многолетней борьбы. Мне кажется, русскому человеку бороться с ними бесполезно, ведь у них четырёхтысячелетний опыт выживаемости. С ними сравниться могут только китайцы. Китайцы, как вода через трещины в стенке, уже заполонили Дальний Восток и постепенно двигаются в глубь России. Посмотрите, как китаизируется Москва. Они и в Беларусь уже проникли со своими инвестициями, и наш мирный белорусский народ стал уже кое-где изучать систему иероглифов. Всё может стать, ведь нам тут жить, хоть и с китайцами, а что касается еврейства, то они снимут сливки по методу березовских, гусинских и прочих абрамовичей, а потом их как ветром сдует. Скорее всего, в Штаты. Но постепенно и Штаты китаизируются. И там эти два этноса будут соперничать друг с другом и ужиться вместе никогда не смогут. Ведь торгашеская жилка у китайцев развита сильнее, чем у евреев, а солидарность у них ещё крепче будет. Но нам надо бороться за интересы славянства! И потому я, пользуясь тем, что мы с Вами знакомы (хоть и заочно) уже более 30 лет, прошу Вас, берегите себя. Не забывайте, что в умелых руках и авторучка стреляет. Здоровья, здоровья и ещё раз здоровья Вам, Станислав Юрьевич!

Анатолий Циркунов,
г. Минск, Беларусь

Здравствуйте, дорогой, уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам рабочий-строитель 1973 года рождения из Саратова. Прочитал Вашу книгу “Мои печальные победы”, которая не даёт мне покоя. Мысли о Вашей книге не оставляют меня ни дома, ни на работе. Моё понимание и осо-

знание того, что происходит в нашей стране и в мире, полностью отразила Ваша книга, которую я прочитал за сутки!

Вспомнил деревенское детство с его далью и облаками, плывущими по безграничному небу; вспомнил своего деда, по специальности ветеринара, хромого – всю жизнь с палочкой; бабу Женю – тракториста и доярку, ударницу труда в страшные 30–50-е годы, научившую меня, четырёхлетнего, забивать гвозди и колоть дрова, а потом класть топор в корыто с водой. Помню ещё из детства: маленький беззащитный самолётчик, видимо из ДОСААФ, кувыркается в облаках высоко в небе...

Почему надо столько времени, чтобы понять, что с нами происходит, что с нами всеми делают? Ещё А. С. Пушкин, как Вы пишете, понимал всю эту мерзость и пошлость, идущую с Запада. А что же мы не понимаем? Когда над нами перестанут издеваться и платить нам вместо достойной зарплаты так называемый МРОТ (слово-то какое!) ниже прожиточного минимума? У меня друг покончил жизнь от безысходности, нет выхода, и всё тут! Родственница, девушка, которой только 16 лет исполнилось, – тоже. Деревни у нас в Саратовской области вообще все вымерли, что дальше будет?! И это всё на фоне вранья о “повышении уровня жизни граждан” и т. п. Ощущение такое, что власти наши живут в другом мире, отделённом невидимой чертой, через которую нельзя переступить. Но ведь хочется жить в современном мире и пользоваться новым автомобилем, который должен, я уверен, работать на экологически чистом топливе и не загрязнять природу.

Наши власти боятся своего собственного народа и не позволяют иметь оружие гражданам, даже для необходимой обороны от расплодившихся везде бандитов. А ведь можно всё сделать грамотно, со всеми необходимыми проверками психического здоровья и законопослушания, цели покупки оружия – для обороны, защиты своей семьи, дома, чести, наконец!

Но не желают власти ничего сделать для народа, а только разрушают. Невозможно нашим ветеранам идти мимо цехов Авиазавода, который тёмными своими глазницами смотрит в твою совесть. Во время войны здесь собирали знаменитые Як-3, громившие в нашем небе непобедимый до того “Люфтваффе”. А теперь только застывший, как монумент, Як-3, носом вверх у главного корпуса САЗа (Саратовского авиастроительного завода), проданного под гипермаркет, немо кричит – что мы сделали?! Какова совесть у бывшего директора САЗа Ермишина, допустившего такой ужасающий по масштабу развал оборонного завода? Невольно задаюсь вопросом: в чём моя вина? Как воспитан, так и живу. Нас учили жить справедливо, по совести. Работать, что я и делаю всю жизнь. Спекулянты – негодяи, за это в тюрьму сажали. А теперь мне говорят: “Вот, Иванов, Петров и т. д. – как живёт! А ты, как был босяком, так и остался!”

Наши власти предали людей, народ и бросили всех нас в пропасть мелких страстей, зависти, наживы и денег. Нужны усилия в объединении всех патриотических сил. Хочется быть мудрее, а читать нечего. Вопрос – в книжных магазинах нет Распутина, Кожина, Г. Свиридова. Где “Музыка как судьба”? Тяжело, но утешают природа и музыка. Хорошие книги, искусство. Значит – будем жить!

Вот, шлю Вам строки своих, может быть, неумелых, но искренних стихов.

*Зачем так быстро время пробежало,
К чему теперь тревоги и мечты...
И всё, что болью душу наполняло,
Теперь уж помнить нету мне нужды.*

*Доколе будут рвать, топтать и гадить,
Зачем нам это, в сущности, терпеть?
С землёй учиться надо бы нам ладить,
И раем можно снова овладеть.*

Здоровья Вам, долголетия, Станислав Юрьевич, Вам и Вашему “Нашему современнику” тоже! Нашему тоже.

Владимир Сафонов,
г. Саратов

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Низкий поклон и глубокая благодарность за Ваш (наш!) журнал являющий ныне собой скупую горсть горькой правды, брошенную в наше больное общество. Ваше служение русским идеалам внушает уважение, что обрекает Вас быть вечной мишенью для снайперов русофобствующих врагов России.

Посреди зловонного болота, затопившего отечественную культуру вследствие так называемых “демократических преобразований”, не так много найдётся точек, на которые может опереться русский человек. “Наш современник” в таких условиях – это целый остров, на котором находятся те, кто болеет за судьбу России как за собственную судьбу, не разделяя их.

Особая благодарность Вам за систематические публикации о нашей Великой Победе и той страшной войне, ей предшествующей. Правда об этом периоде нашей истории стала столь конъюнктурной, что встаёт вопрос – а закончилась ли война? Во всяком случае, ритуальная “казнь” наших солдат в Эстонии, совершённая под видом “перезахоронения” их останков, сопровождаемая маршами недобитых эсэсовцев, заставляет предположить, что враги и ненавистники России сегодня имеют много поводов для оптимизма. Всё это совершается при очевидном одобрении “политкорректной” Европы. И символически эту гнусность приурочили к очередной годовщине нашей Великой Победы.

В чём же причина очевидной русофобии и антироссийской истерии? Кто их нагнетает?

Мне кажется, что крупнейшие державы, составляющие пресловутый “золотой миллиард” населения человечества, – это сообщество бездушных экономических монстров, которые, не допуская даже мысли уронить достигнутый уровень жизни и экономического могущества, просто вынуждены будут сожрать нашу Сибирь: наши нефть и газ, уголь, лес и руду. Военная структура НАТО – страшная вставная челюсть этого монстра – всё больше и больше приближается к России. Уже успешно реализована авантюрная доктрина по окружению России враждебными русофобствующими режимами, так называемыми “молодыми демократиями”, нечаянная гибель которых в возможном столкновении не вызовет слёз у их хозяев на Западе.

Сегодня Запад торопится и, очевидно, теряет терпение, ведь на его воледеленную жертву, на Россию, нацелился конкурент – азиатский дракон, также готовый удивить мир своей неумной прожорливостью. И вот при таких обстоятельствах возмущает необъяснимое благодушие нашей власти, пребывающей в каком-то блаженном идиотизме и пытающейся “умиротворить” враждебное окружение политикой постоянных уступок.

Оставшиеся наши политические союзники постоянно подвергаются шельмованию, а Россия постоянно упрекается в “имперских амбициях”, стоит только нашей власти робко поддержать их. Нельзя без боли взирать на события, происходящие в Прибалтике, на Украине, на Кавказе. Никак невозможно бросить на произвол судьбы Белоруссию, волею судьбы оказавшейся ещё ближе к раскрытой алчной пасти НАТО.

В то же время, как не ужаснуться при виде нашей российской “элиты”, погрязшей в разврате, разграбившей для своих утех нашу российскую провинцию. Эта “элита” – это подлинная “пятая колонна” враждебных России сил.

В критические периоды истории наша отечественная литература всегда была спасительным лучом света для всех здоровых сил, и отраднo, что наши великие литературные традиции живы и сегодня на страницах Вашего журнала. Авторы “Нашего современника” доказывают это. Спасибо! Ждём новых публикаций!

С уважением
Е. В. Градов,
г. Самара

Уважаемая редакция!

Читая “Наш современник”, каждый ваш читатель находит на страницах журнала сочинения выдающихся русских писателей, где раскрывается судьба

нашего Отечества. И в самом деле, ведь что ни писатель, то имя. Стоит только открыть обложку, и перед тобой предстанут блистательные имена. Следует назвать хотя бы несколько: Станислав Куняев, Олег Платонов, Александр Казинцев, Ксения Мяло, Валентин Распутин, Василий Белов и под стать им многие-многие другие писатели! А когда разговор заходит о поэтах, назову только двоих: Николая Рубцова и Николая Поснова, которых, казалось бы, молодому поколению надобно знать в обязательном порядке. Ан нет, ведь в нашем пока ещё разобщённом обществе молодёжь, во всяком случае, многие из них не знают таких поэтов. Приходится только удивляться этому. И в этом случае мне хочется посоветовать им обратиться к “Нашему современнику”, № 6, 2006 год, (стр. 162–164), тогда, быть может, что-то им скажет хотя бы вот эта строфа Николая Поснова:

*Что, душа моя, вечная страница,
Трудно в стужу звенеть соловьём?
Всё пройдёт... А Россия останется.
Ради этого мы и живём.*

А кого награждают наши власти за литературный труд? Читаю “Наш современник”, № 9 за 2006 год, где есть интересный очерк читателя из Казани Руслана Богатырёва, в котором автор подробно рассказывает, как и кого награждают в наше время. Так, если припомнить 2004 год, то в составе жюри букеровской премии было так называемое главное лицо – Владимир Войнович, тот самый, который в 1974 году был исключён из Союза писателей за сатиру на советский строй и за глумление над Великой Отечественной войной, и он же в 1980 году эмигрировал на Запад. А вот ельцинским окружением тут же был востребован и до сих пор красуется на российских телеканалах. Можно только представить: сколько же таких войновичей присосалось к средствам массовой информации!

Тот, кто видел рижский “Собеседник” № 31 – сентябрьский номер газеты за 2007 год, где этот “востребованный писатель” даёт интервью корреспонденту Дмитрию Быкову, тот прочтёт следующее “откровение” в ответ на вопрос корреспондента о Сталине: “Сталин был чрезвычайно значительной личностью. Он был гением бездарности, апофеозом её, величайшим профессионалом зла – но зло всегда бездарно. Он был именно бездарен, а не глуп. Глуп был Ленин”. Даже корреспондент посмел возразить: “Вот уж не думаю...” И хоть возражений эти господа не терпят, но позвольте привести высказывание о Сталине выдающегося человека недавнего прошлого Уинстона Черчилля, произнесённое им в своей речи в палате лордов 23.12.1959 года по случаю 80-летия со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина:

“Большим счастьем для всего мира было то, что в годы тяжелейших испытаний антинацистскую борьбу возглавил гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был величайшей, выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно высказывать собственные мысли. Статьи и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила; эта сила была настолько велика в И. В. Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времён и народов. Сталин произвёл на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то руки держали по швам.

Он обладал глубокой, лишённой всякой паники, логической и осмысленной мудростью... Он был необычайный. Он создал огромную, богатую и мощную державу, это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых называл открыто империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире руководителем. Он принял Россию с сохой, а оставил её оснащённой атомной промышленностью.

Нет! Что бы ни говорили о нём, таких история, народ, недруги не забывают!”

После Сталина мощь Великого государства быстро покачнулась. Во многом виноват Н. С. Хрущев, он дал такую пищу сионистам, что они тут же воспряли духом! Сам же Никита Сергеевич страшно непродуманно решил завоевать в народе популярность и славу. И начал с того, что безумно стал чернить имя Сталина и дошёл в своих ухищрениях до того, что начал вовлекать в это порочащее дело великих полководцев времён Великой Отечественной войны. Так, он обратился к маршалу Советского Союза Константину Константиновичу Рокоссовскому, чтобы прославленный воин о Сталине написал как можно больше чёрненького, но вдруг услышал:

– Никита Сергеевич, Сталин для меня был святым человеком!

Пожалуйста, вдумайтесь в эти слова! Это напоминание о Сталине мною приведено не для В. Войновича, это сказано молодому поколению, которое должно знать неискаженную историю своего государства. А эти разные войновичи, познеры, радзинские, радзиховские, сванидзе и прочие-прочие, которых расплодилось в российской столице целое сонмище, – что ж от них ждать? Для них, к примеру, Давид Самойлов является самым выдающимся поэтом Великой Отечественной войны. Сам же Самойлов высокопарно перечисляет “неудачников” в поэзии: Твардовского, Исаковского, Симонова, Смелякова, Павла Васильева. О Мартынове, Прокофьеве, Тихонове он даже не вспоминает. Чтобы лучше понять Самойлова (Кауфмана), сначала надо обратиться к истории тех времён, в которых он припеваючи жил. Послушаем этого поэта, с какой злобой он говорит о русском народе: “В 37-м году к власти рванулся хам, уже достаточно к тому времени возросший полународ”. Вот так этот выпестованный на российской земле сочинитель называет русских – полународом и хамом. И при этом умышленно умалчивает о своих кровных братьях, которые, захватив власть в России в 1917 году, русских уничтожали в таком страшном количестве, что уму непостижимо! И очень здорово об этом написал не кто иной, а Валентин Петрович Катаев в своей повести “Уже написан “Вертер””.

Надо сказать, что эта повесть появилась на свет только потому, что писателя в конце жизни мучило сознание того, что ему пришлось видеть своими глазами, как сионисты уничтожали коренных жителей России – в основном русских людей. И если бы не появился И. В. Сталин, то сионисты наверняка выполнили бы план Троцкого по уничтожению нашего, русского народа. Это надо знать и всегда помнить! Но вот на что обратил особое внимание наш выдающийся писатель и поэт Станислав Юрьевич Куняев, который потратил уйму времени, чтобы найти и прочитать эту повесть Катаева, ведь это было непростым делом, потому что из библиотек это произведение было изъято или уничтожено тайными, тёмными силами.

Конечно, любознательный читатель наверняка захочет знать: о чём же писал Катаев?

Читая эту повесть, ты словно наяву видишь, как сионисты захватывали власть в России в октябре 1917 года, и когда полностью завладели карательными органами, сразу же поставили на поток расстрел русских людей. В повести показан южный город, в котором стоит семиэтажное здание – одно из многих кровавых гнёзд сионистов. Вот в это здание, если попадал человек даже по какому-то ничтожному подозрению, уже живым не выходил. Перед расстрелом людей раздевали наголо и скопом – мужчин и женщин – хладнокровно расстреливали в подвалах этого здания, пуская пули в затылок, и трупы перетаскивали в гараж; откуда на грузовиках ночью вывозили за город. Все люди города в страхе запирались в домах и не знали, что с ними будет завтра. Причём списки расстрелянных вывешивались на центральной площади. Когда читаешь эту повесть, ты словно находишься в кошмарном сне. Читая, осознаёшь: Россия впервые подверглась такому массовому уничтожению людей.

В повести показан страшнейший кровавый злодей Наум Бесстрашный. Вот как о нём повествует Валентин Петрович Катаев:

“Лампочка слабого накала, повешенная на столбе с перекладиной возле гаража, освещала его сверху. Он стоял в позе властителя, оставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его голове был будёновский шлем с суконной звездой. До революции он был нищим подростком, служившим

в Москве? А вот своим россиянам, в одночасье оказавшимся не по своей вине на чужбине, наше правительство не соизволило предоставить жильё в своей стране. Да разве это порядочно? А разве не об этом говорила статья Александра Спектора в журнале “Наш современник” под названием: “Нужны ли России русские?”

И как тут не вспомнить из истории поэзии слова Сергея Есенина, который в начале 20-х годов с такую грустью говорил:

*Напои меня, влага нежная,
Май мой синий. Июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.*

Спрашивается: почему они буквально властвуют в России? Не настало ли время спросить этих “новых” москвичей, которые в народе с пренебрежением ассоциируются как “новые русские”: как и каким образом их стало в Москве в таком большом количестве? По признанию Л. Радзиховского, “нас теперь в Москве – целый миллион!” Интересно, не правда ли?

Задумаемся всё-таки: что стало со страной?...

Алексей Просянов,
г. Шауляй, Литва

Александр Иванович!

Почему Казинцев и откуда такое предпочтение? А оттуда: из “Ожиданий и предпочтений”, из “Вечной России”, из “Ущелья”, из “Как слышите, Владимир Владимирович” и из всего того, что Вы создали за последние годы. По накалу, глубине и остроумию Ваши статьи напоминают мне лучшие образцы русской публицистики. Мне кажется, я уловил корень Вашей эрудиции. Она, я вижу, в пудах прочитанных газет, книг и журналов. Вы, дорогой Александр Иванович, помогли мне в мои 67 лет развенчать некоторые стереотипы, въевшиеся в кожу со времён учёбы в институте. Мне импонирует Ваша социалистическая концепция, чрезвычайно соответствующая нашему стремительно меняющемуся миру. Импонирует также Ваше умение не “исторгать” истины в последней инстанции, а сохранять паритет мнений и не допускать императивного тона. В конце концов, важнее мысль, которая убеждает, а не оголтелая хула, имеющая способность приедаться.

Владимир Степанович Живаев,
село Дубровка Николаевского р-на
Ульяновской области

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я – поэт, но работаю судьёй. И вот на редких встречах с читателями мне обязательно задают вопрос: “Кто же вы на самом деле – поэт или судья?” Отшутиться получается не всегда. Я судья уже 20 лет. Бытует мнение, что поэт не должен служить власть предержащим. Допустим. А Отечеству? А людям, живущим рядом с ним? Лучше им будет, если за судейский стол сядет человек ограниченный, алчный и раболепный? То-то порадует это крапивное семя, эти мелкие человечки, коих расплодилось сейчас не меряно. Вот я и думаю, что не в службе суть, а в служении. Вот Светлана Сырнева тоже в чиновниках ходит, а какие глубокие, болевые, полные поэтической тайны стихи пишет. Но... от лирики – к делу. А дело моё состоит в том, что сейчас наши верховные умники-экономы, угробив хутора да отдалённые сёла, взялись за малые сельские райцентры. Тишком-сапком рушат последние скрепы привычного сельского миропорядка. Уже раздробили страну на муниципалитеты да “поселения” (слово-то какое подобрали, будто это колония!), объявили их

чуть ли не вольными городами, хорошо зная, что экономически эти “поселения” в нынешних условиях выжить не могут, и назвали всё это “оптимизацией управления”! Так в нашем райцентре сначала “оптимизировали” (читай, развалили) налоговую инспекцию, потом ликвидировали военкомат. Теперь и до суда очередь дошла. Уволили половину работников и оставили на месте суда некую контору под вывеской суда соседнего района. И если бы только у нас – по области ликвидировали десять сельских районных судов, треть всех судов на территории Воронежской области. И это творится не только в нашей области, больше десятка субъектов РФ отрапортовали о “выполнении и перевыполнении”, как у нас водится. И как всё хитро делается: Судебный департамент кивает на администрацию президента и давит на судейское начальство в областях. Судейское начальство, испытывая дрожь в коленках, бьёт челом губернатору: помогите, дескать, избавиться от “лишних” судов! Губернатор давит на областную Думу. Областная Дума обращается с законопроектом в Государственную Думу, а там радуются: инициатива снизу, казне экономия – о чём говорить?

Я боролся с этим здесь, в области, сделал всё, что мог. Стучался в СМИ, добился того, что в прошлом году Совет судей области проголосовал против этой сомнительной идеи. Но сейчас всё пошло по новому кругу, и боюсь, что при отсутствии правовых оснований нашим “реформаторам” удастся добиться нужного для себя результата. Дело ведь не только в судах. Боязливо сжимаются, клонят голову малые райцентры. Пустеет село, пропадает, уходит – даже здесь у нас, на благодатных воронежских чернозёмах. Пустеет сельская Россия! Если не получится ситуацию переломить, то правы окажутся авторы доклада ООН “Мировые перспективы урбанизации: пересмотренное издание 2007 года”, что к 2025 году в сельских местностях России будет проживать лишь четыре процента населения страны! А само население России составит всего 128,2 миллиона человек. Не знаю, кому как, а мне – жутко.

Я ведь не только судья. Я родился здесь, вырос, жизнь прожил. Не кривил душой, не лукавил, не подличал, не набивал карманы. Мне многие верят, надеются на меня. И потому я не могу отойти в сторону, затаиться. Я веду борьбу, даже зная, что вполне могу потерять работу.

Уважаемый Станислав Юрьевич, я могу написать статью, дать интервью на эту тему, а стихи – стихи могут и подождать, что с ними станется!

Уважающий Вас
Александр Нестругин,
село Петропавловка Воронежской области

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я полагаю, в России должны знать, что руководство Украины сошло с ума – развязав вакханалию русофобии. Но не только руководство. О чём говорить, если значительное количество русских граждан Украины вопреки собственным интересам и здравому смыслу голосует за откровенных русофобов Ющенко и Тимошенко, помогая им победить на выборах и втягивать Украину в НАТО, сугубо антироссийский военно-политический блок. Наступление же на русский язык, культуру и историю продолжается с ещё большим рвением и наглостью. Ющенко и Тимошенко вновь заявляют, что о государственном статусе русского языка и речи быть не может. Они не хотят решать языковую проблему даже на уровне Европейской Хартии о региональных языках, ратифицированную четыре года назад. Но это важнейшая политическая проблема, без справедливого решения которой на Украине никогда не будет мира и согласия.

Что касается НАТО, то все украинцы и русские должны понимать, что вступление Украины в НАТО будет означать тяжёлое поражение всего Православного мира, трагические последствия для которого были бы непредсказуемы, сравнимы с поражением СССР в Сталинградской битве, если бы такое произошло. И потому, кто втягивает Россию и Украину в НАТО, становятся врагом русского и украинского народов. Конечно, большинство украинцев понимает, что будущее Украины в союзе с Россией и Белоруссией и что отказ от кровного родства и единства равносителен предательству и братоубийству. Ты-

сячетелный исторический опыт подсказывает – Россия, Украина и Белоруссия могут существовать и полнокровно развиваться только в единстве.

В книге “Мазепа” историк Николай Костомаров отмечал, что спустя 150 лет после Полтавской битвы русский и украинский народы “настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немыслимо в силу освящённого опытом сознания обоюдной пользы их соединения”. Жизнь неоднократно подтверждала вывод историка о немыслимости разъединения русского и украинского народов. За 350 лет, прошедших после воссоединения Украины и России в XVII веке при гетмане Богдане Хмельницком и царе Алексее Романове, сложилось единое духовное, культурное и экономическое пространство, возникло, по существу, этническое сообщество: миллионы русско-украинских семей проживают на территории Украины и России. В наше время нашлись, к сожалению, новые “мазепы”, которые пытаются расколоть наше единство. “Воплощённая ложь”, – так охарактеризовал Мазепу историк Н. Костомаров. Мазепа не только предал Петра I, но, находясь в стане Карла XII, вёл переговоры с Петром с целью предать и Карла. И вот теперь Ющенко вознамерился увековечить память Карла XII, вторгшегося на Украину и разбитого русскими войсками с помощью запорожских казаков и украинского населения. Ещё неизвестно, как воспримет такой “союзнический” жест мирная и нейтральная ныне Швеция, старающаяся поддерживать добрососедские отношения с Россией.

Ющенко и его компания нагло обманывают украинский народ, заявляя о сотрудничестве России и НАТО, забывая сказать, что Россия не стремится в НАТО и не подаёт заявку о приёме в этот агрессивный военно-политический блок, как это сделала тройка Ющенко–Тимошенко–Яценюк. Остриё этого блока направлено против России, это видно хотя бы из того, что он непрерывно и нагло приближается к границам России. Но неужели простой украинец хочет, чтобы американские базы появились под Харьковом? Ющенко и Тимошенко не хотят сказать украинскому народу правду: не НАТО нужно Украине, а именно Украина как стратегический плацдарм нужна НАТО.

В этих условиях нужно убедить граждан Украины, чтобы ни один голос не доставался больше натовцам и русофобам, а России нужно оказать помощь своим соотечественникам на Украине и украинскому народу в его борьбе против НАТО. Российское руководство могло бы повлиять на украинские власти, но, судя по результатам встречи Ющенко с Путиным, речь там шла лишь об экономике. Почему Путин, к примеру, не мог потребовать от украинского президента прекращения издевательств над русскими в Украине, потребовать соблюдения Европейской Хартии о языках, что вписывается в логику Большого договора 1997 года. Переход власти из рук Путина к вновь избранному Медведеву мало что изменит, поскольку Медведев является продолжателем того же политического курса, что и Путин, по поддержанию существующего в России олигархического строя. До защиты ли им прав русских?

Николай Ивлев,
Кировское, Республика Крым, Украина

Дорогой Станислав!

Пишу тебе “открытое” письмо. Мне думается, что его содержание может повлиять на опасное противостояние в умах наших современников, продолжающих конфликтовать друг с другом на почве “красного” и “белого” патриотизма и тем самым невольно открывающих “зеленый” свет черным планам “разделяющих и властвующих” ненавистников России.

Речь пойдет об одном эпизоде из жизни моего деда в оккупированном немцами Париже в тот исторический момент, когда Гитлер, уже похоронив всякие надежды на “блицкриг”, должно быть, начал убеждаться в изначальной авантюристности своего “дранг нах Остен”. Но прежде несколько биографических подробностей.

Мой дед по материнской линии Лев Александрович Казем-Бек был правнуком персидского шейх-уль-ислама Мирзы Назир Хан-Кассима, сбежавшего на рубеже XVIII–XIX столетий из Персии в Россию после поражения в жестокой схватке, затеянной им со своими недругами на почве внутрисламских конфессиональных раздоров. В России потомка пророка Магомета и наслед-

ника древнего персидского княжеского рода признали в российском дворянском достоинстве, но предупредили, что оно распространится на поколения, которые произойдут не от всех, а только от одной из супругов, входивших в многочисленный состав сбежавшего с ним гарема. Как водится, выбор пал на самую молодую жену – красавицу Шера-Фиун Ниссу. Она-то и родила ему в 1802 году Магомета Али, ставшего впоследствии православным русским ученым, профессором Казанского, а затем и Петербургского университетов, членом ряда европейских научных обществ и одним из крупнейших востоковедов своего времени, известным под именем Александра Касимовича Казем-Бека (открывай любую энциклопедию).

Дочь профессора от законного брака с русской дворянкой Прасковьей Костлицевой Ольга Александровна стала супругой Николая Евгеньевича Боратынского, сына известного поэта. А старший из его сыновей Александр Александрович женился на Марии Львовне Толстой, бывшей в родстве как со знаменитыми классиками Львом Николаевичем и Алексеем Константиновичем Толстыми, так и со многими известными дворянскими фамилиями: Бутурлиных, Римских-Корсаковых, Шаховских, Апраксиных, Прозоровских, Тютчевых и других славных родов. Самым почитаемым в ряду родственников в семье моего деда всегда считали святителя Иоасафа Белгородского, породненного с Толстыми.

От брака с Марией Львовной Толстой у Александра Александровича Казем-Бека в 1876 году родился мой дед Лев Александрович. Принадлежность к аристократическому сословию позволила ему еще отроком записаться в знаменитый Пажеский корпус, который он успешно (под пятым номером) закончил в 1896 году, просидев все годы учебы за одной партой с будущим советским генералом графом Алексеем Игнатьевым, автором популярных еще совсем недавно мемуаров “50 лет в строю”.

Из Пажеского корпуса мой дед прямоком попал в престижный и славный своими ратными подвигами лейб-гвардии Уланский Ея Величества полк. Военная карьера складывалась вполне благополучно, хотя и тормозила раскрытие его незаурядных дарований, которыми он был щедро наделен от природы. В двух “ипостасях” он, однако, все же преуспел: его многочисленные живописные работы (портреты, натюрморты, пейзажи) оценивались знатоками как вполне профессиональные, а увлечение цветоводством ознаменовалось в 1920-х годах торжеством на конкурсе цветов в Антибе (Лазурный берег Франции). Выведенный им тогда сорт розы получил денежную премию, оказавшуюся серьезным материальным подспорьем в условиях нищенского эмигрантского существования.

Полковник лейб-уланов, участник I Мировой войны, а затем и Белого движения, он разделил участь русских беженцев, которую мы по праву называем величайшей национальной трагедией, лишившей Отечество веками формировавшейся элиты. Лучшие ее представители вынужденно оплодотворяли науку, культуру и искусство не России, а чужих государств. Притом, что на Родине в ту пору еще только приступали к массовому ликбезу и формированию новых профессиональных кадров, о которых позже скажут, что они “решают всё”! В определенном смысле мой дед тоже послужил Франции своими умениями и талантами, но главным его делом в изгнании было воспитание старшего сына Александра Львовича (моего дяди) и дочери Марии Львовны (моей матери) в духе любви к России и верности ее православно-монархическим устоям.

Сын Александр стал в 20-х годах видным политическим деятелем русской эмиграции, основателем и идеологом крупнейшей в Зарубежье Младоросской партии. Младороссы не боролись против русской революции, которую считали закономерным явлением, а, наоборот, ратовали за ее продолжение. Они открыто заявляли о том, что революцию оседлали антинациональные силы, и призывали к переводу ее на национальные рельсы ради обновления государственной жизни в духе православных ценностей и принципов народной монархии. О деятельности А. Л. Казем-Бека и его партии стоит поговорить отдельно, но здесь отмечу лишь, что стихия русской державности, которая безгранично владела этим человеком, сыграла в становлении моего патриотического сознания первостепенную роль.

Первые годы эмиграции протекали под знаком наивной уверенности в неизбежном крушении большевизма и скором возвращении в родные палестины. Однако постепенно становилось ясно, что ведущие западные страны во-

все не заинтересованы в уходе большевиков от власти, которых они всячески (политически и экономически) поддерживали, считая их, наверно, бездарными управленцами, не способными возродить великую державу. Однако впоследствии, когда Советам удалось-таки канализировать энтузиазм масс и дешевую рабочую силу в успешное государственное строительство, было уже поздно. Стало ясно, что растущая мощь новоявленного гиганта вызовет опасения Запада, и если не сегодня, то завтра сделает СССР объектом неминуемой агрессии извне.

Так оно, как известно, и случилось в результате хитроумных политических маневров мировых держав, открывших Гитлеру путь на восток и столкнувших Германию с Россией. К этому времени в среде русской эмиграции четко обозначился водораздел: одни ратовали за “великий поход” с немцами для упразднения ненавистного коммунизма, другие – за отпор внешнему врагу. Оставим историкам спор о том, какая часть эмиграции была многочисленнее. На мой взгляд, противники Гитлера составляли абсолютное большинство. Во всяком случае, дед мой, как и вся остальная семья, по этому поводу не колебался – внешний враг должен быть во что бы то ни стало повержен!

И вот по ходу Великой Отечественной войны, по мере усиления отпора немцам у многих эмигрантов начало складываться впечатление, что ослабление врага внешнего как бы невольно влечет за собой и ослабление внутреннего. Советская Армия неожиданно приступает к формированию “гвардейских” частей! А ведь слово “гвардия” еще совсем недавно было вообще неприкосновенным. Упраздняются петлицы, вводятся погоны! Главнокомандующий осеняет красноармейцев именами не просто великих полководцев (Суворов, Кутузов), но даже святых благоверных князей (Александр Невский, Дмитрий Донской)! Из лагерей и тюрем освобождают архиереев и направляют на служение в осиротевшие на долгие годы епархиальные кафедры. Открываются монастыри. Церкви позволено восстановить патриаршество после почти двадцатилетнего её существования без законного Главы! Заработали духовные семинарии и академии!

Эти перемены порождали радужные умонастроения в русском Зарубежье в такой степени, что еще до великой Победы 1945 года в его среде широко распространилось мнение о том, что народ-победитель, вернувшись с полей сражений, незамедлительно справится с чужеродным режимом и восстановит православное государство.

Не сомневался в этом и мой дед, который уже в конце июня 1941 года оборудовал в своей комнатке на парижской улице Лало, в двух кварталах от центральной штаб-квартиры гестапо, нечто вроде импровизированного личного командного пункта. На стену он повесил большую карту Российской империи и приколот к ней множество разноцветных флажков для обозначения дислокации противоборствующих армий. На письменном столе были разбросаны вырезки из разноязычных газет с донесениями о событиях на фронте, служившими ему руководством к перестановке флажков на карте для получения зримой картины театра боевых действий. В результате в голове профессионального военного человека рождались собственные прогнозы о возможных перемен на фронте, о чем членам семьи и близкому кругу единомышленников регулярно давались подробные объяснения с неизменным скольжением флажков по поверхности российской карты. По воспоминаниям его тогдашних слушателей, эти прогнозы оказывались всегда в пользу Советской Армии. И как ни странно, даже в первые месяцы войны! Такой неоправданный оптимизм вызывал у слушателей некоторые подозрения в помутнении его рассудка.

И хотя очевидная субъективность его оценок, происходивших на фронте военных событий, вызывала у людей недоумение, они, однако, сходились во мнении, что Лев Александрович обладал поразительной способностью предугадывать ход боевых действий, о которых парижанам становилось известно значительно позже, уже после выхода свежих газет. Все объясняли этот феномен глубоким знанием военной стратегии и тактики, которое позволяло деду безошибочно предвидеть не только маневрирование и перегруппировки армейских подразделений, но и направление главных ударов. На самом же деле все обстояло гораздо проще. Постоянным источником его информации был тайно сконструированный каким-то доверенным умельцем детекторный радиоприемник, о существовании которого никто из членов семьи даже не подозревал. Дед тщательно прятал его, понимая, что домочадцы не захотят

иметь в доме по соседству с грозным гестапо устройство, категорически запрещенное немецкой оккупационной властью под угрозой смертной казни. Глубокой ночью, по воцарении в доме всеобщего сна, детектор извлекался им из специально сооруженного тайника, и начиналось прослушивание сводок с различных военных фронтов на самых разных языках, благо последних в запасе выпускника Пажеского корпуса было несколько.

В ту февральскую ночь 1943 года, чуть не ставшую роковой для всей семьи (в том числе и для меня, беззаботно спавшего в соседней с дедом комнате десяти дней от роду), все шло обычным порядком. С той лишь разницей, что прослушивание детектора велось с особым эмоциональным напряжением и обостренным вниманием: в те дни решалась судьба величайшей из всех битв мировой истории, в которой сошлись с каждой стороны по несколько десятков дивизий, в течение полугода постепенно концентрировавшихся вокруг важнейшего стратегического пункта – Сталинграда. Военно-стратегическое значение этого сражения было понятно даже не посвященным в военное искусство профанам, что уж тут говорить о кадровом гвардейском офицере! И вот хриплый детекторный голос диктора доносит до ушей деда сенсационную новость: немцы наголову разбиты у волжских берегов! Сотысячная армия Паулюса пленена вместе с ее командующим!..

Для всего мира победа под Сталинградом означала всего лишь коренной перелом в ходе II Мировой войны. Но это для всего мира, но не для Льва Александровича! Для него 9 Мая 1945 года уже наступило в этот предрассветный час. То была ночь Большой Победы! Он ликовал, он лихорадочно искал выход своим эмоциям, он готов был разбудить не только всю квартиру, но весь дом, весь квартал!

И он протрубил бы всеобщий подъем, если бы не я – спящий новорожденный младенец. Он слышал, что я только-только уснул после очередного ночного кормления. Но чувства, тем не менее, продолжали накатывать на него, словно гигантские океанские волны, они душили, распирали его изнутри. Как безумный, торопливыми шагами семенил он по комнате из угла в угол, судорожно перебирая варианты выхода этой, нахлынувшей на него термоядерной мощи. И вдруг в одно мгновение сознание деда пронзила яркая вспышка. В ней высветилась не только сама гениальная, как ему казалось, идея, но и подробнейший, до мельчайших деталей механизм ее реализации.

Дед действовал в автоматическом ключе. Войдя в ванную комнату, он заткнул сливное отверстие ванны и открыл кран горячей воды. Из старых шкафов были извлечены этюдники и прочие принадлежности его художественных экзерсисов, а из них – все до единой баночки с красной краской – гуашь, акварель, тушь. Краски довольно быстро растворились в горячей воде, образовав кровавое густое месиво на дне ванны. В это месиво дед сунул простыню, которую сдернул со своего матраса. Пока простыня пропитывалась красной краской, к рукоятке половой швабры привинтились четыре маленьких шурупа, а на их острые шляпки нацеплена мокрая пурпурная простыня. Дед вышел с ней в коридор, прошел в свою комнату, открыл дверь на балкон. За ним по всему пути по полу тянулся кровавый густой след. С помощью двух веревок он привязал швабру к ажурной решетке типового парижского балкона, и со второго этажа на безлюдный тротуар начала капать красная краска..

К этому времени уже брезжил рассвет. Дед облачился в плащ, надел шляпу и спустился на улицу. Алое Знамя Победы развевалось над его головой! Он приложил правую ладонь к виску и вытянулся по стойке “смирно”, не спуская взгляда со свисающего полотнища..

В ночном Париже тем временем еще продолжался комендантский час, а военный патруль возникал всегда неожиданно. Дед решил возвращаться домой. Удовлетворенный, с чувством исполненного долга, он поднялся в квартиру, лег в кровать на голый матрас и, изрядно подуставший, быстро забылся в глубоком сне.

В семь часов утра все домочадцы, кроме деда, проснулись в страшной панике: по входной двери в квартиру кто-то нещадно барабанил руками и ногами. Первым к ней подбежал мой отец. Его тапочки прилипали к каким-то красным лужам на полу. Спросонья он решил, что произошло убийство и полиция ломится в квартиру в поисках убийц. Открыв дверь, он увидел троюродного племянника моей матери Павла Толстого Милославского, стоявшего на пороге с обезумевшими глазами.

– Дядя Миша, вы что, все окончательно спятили?! Что это вы вывесили на балконе!!!

Все кинулись на балкон и... ахнули. С трудом отвязав швабру, отец быстро втянул полотнище в комнату и строго взглянул на деда, спящее лицо которого излучало блаженное умиротворение. Моя мать кинулась будить его, чтобы устроить выволочку за хулиганскую выходку, но отец остановил ее.

– Пусть выпится, а потом вместе всыплем ему по первое число!

Проснувшись только к обеду, дед появился в столовой и, как ни в чем не бывало, уселся на свое место. Первой набросилась на него мать:

– Ты отдаешь себе отчет в том, что натворил, папа?! К чему эти бравады в двух шагах от гестапо?!

– Ты не настолько наивен, чтобы не понимать, что нас бы всех расстреляли, если бы Павел случайно не шел к нам так рано за забытым портфелем! Ведь у нас здесь вся улица с раннего утра пестрит немецкими мундирами!

– К тому же этот поступок не имеет никакого смысла! – бушевал отец.

– Никакого смысла, ты говоришь?!

Дед встал в торжественную позу придворного церемониймейстера, которому поручили сделать важное сообщение.

– Знайте же, что вчера ночью Гитлер проиграл войну России!

Далее последовали подробности всего услышанного за ночь по детекторному радиоприемнику.

– Это меняет дело! Мы-то ведь ничего не знали, – смутились родители. – Ура России!!!

И добавили:

– Но все же согласись, что предприятие твое вышло слишком уж рискованным. Вывесил бы флаг ненадолго, чисто символически, а потом убрал бы его.

Назревавший было в доме скандал обернулся полнейшим умиротворением. На столе появился традиционный эмигрантский напиток – разбавленный аптечный спирт, настоянный на различных пряностях. Семья принялась праздновать Победу.

Спустя некоторое время русский Париж живо обсуждал выходку чудака Казем-Бека. Всех поражало не столько ее безумие, сколько возмутительный выбор цвета для окраски той злосчастной простыни. Особенно негодовали однопольчане из лейб-уланского полкового объединения:

– Пойми же, сумасброд ты этакий, что ты изменил присяге! – возмущенно говорили они. – Ты отдал честь красной тряпке, символизирующей ту силу, которая погубила твоего Государя, твоих боевых друзей, многочисленных твоих родственников, саму Российскую державу наконец!!! И ты будешь держать ответ за это на ближайшем полковом собрании!

Глаза деда обагрились. Восточная персидская кровь заклокотала в его жилах. Он опять встал в торжественную позу и сказал:

– Держать ответ я буду сейчас прямо здесь, перед вами. Мне противны ваши примитивные доводы. Пора наконец понять, глупые головотяпы, что презренный для вас красный цвет уже много лет символизирует только две вещи: во-первых, жертвенную кровь новомучеников, не сбежавших, как мы, с родной земли и погибших за те идеалы, которые мы не сумели в свое время отстаивать. И, во-вторых, истерзанную в беспримерных кровавых сражениях Россию, сжавшуюся ныне в единый кулак, чтобы миллионами жизней избавить родную землю от вероломного врага. Вы же не перестанете обмениваться на Пасху красными яйцами, опасаясь, чтобы вас не заподозрили в тайных симпатиях к большевикам?! И не откажетесь участвовать в пасхальных службах из-за красных стихарей духовенства?! Вот увидите, кончится война, и народ-победитель сам избавится от той идеологии, которая навязала ему этот цвет. И он же тогда решит, какими будут наши национальные цвета. Я отдал честь не большевистскому флагу, а тем боевым знаменам, под которыми мой народ сегодня, сейчас, в данную минуту приносит великую кровавую жертву ради спасения Отечества! Вы слышали, что генерал Деникин выразил готовность воевать против немцев во главе не армии, а хотя бы одной советской дивизии. Что же, и его вы зачислите в предатели за то, что он вознамерился встать на защиту Родины под те же знамена?!..

Я часто вспоминал эту отповедь моего деда в дни, когда у нас дебатировался вопрос о восстановлении музыкального варианта советского гимна.

И аргументы деда очень пригодились мне, чтобы сделать тогда правильный вывод. **Дорожить Родиной, сострадать ей, служить ей – вот глубинные составные части понятия “патриотизм”.** Все остальное поверхностно и второстепенно. Но с какой же страстью мы порой сражаемся за утверждение этого второстепенного в ущерб глубинному! Мы не слышим Христа Спасителя, призывающего нас любить друг друга. Где уж там услышать стенания Матери Отчизны о спасительном единстве ее сыновей ради любви к ней, истерзанной и измученной.

Князь Зураб Михайлович Чавчавадзе,
г. Москва

Уважаемая редакция!

Посылаю вам свою поэму, написанную мной, ветераном войны, как письмом другу, такому же, как я, бывшему солдату. В очередную годовщину Великого нашего Праздника Победы, может быть, вы опубликуете её?

*Помнишь ли, друг мой, начало войны?
Мы с тобой были совсем пацаны...
Родину с детства любили мы, брат...
Помнишь, за лесом, за полем закат:
Солнца большущий, пылающий шар,
Будто особый от Господа дар,
Будто всевидящий глаз стережёт
Русскую землю и русский народ.*

*Помнишь, хотелось нам в детстве узнать,
Где того солнца сенная кровать,
Где поживает оно, за какой
Дальней межой обретает покой?
Помнишь, бежали полдня на закат,
За лес, за поле, где аккурат,
Так нам казалось, в глубокий овраг
Скроется солнце, как свёрнутый флаг.*

*Помню — мы нашу мечту берегли;
Утром, бывало, восход стерегли.
Мчались к Востоку на зорьку поспеть,
Прежде чем птицы примутся петь.
Мы пробирались в ночи под Луной,
Русь нам казалась громадной страной...
Вот уже первая птица поёт,
Вот оно, солнце, над полем встаёт.*

*Поле безбрежное, край у небес,
Рожь прорастает в пространство небес —
Где твой, Россия, восточный рубеж?
Как ни старались, спешили и всё ж
Лишь увидали, как моется ёж,
Моется лихо в лесном бочажке,
Сохнет потом на цветочном лужке.
Радугой пар поднимается чуть,
Капли на иглах сверкают, как ртуть.*

*В эту минуту ёж дивно хорош,
Луга цветочного дивная брошь.
Ёж — он счастливеец и он молодец,
Мы ж измотались и скисли в конец:*

*Где ж наше солнце с кровати встаёт,
Где умывается утром, где пьёт?
Где начинается наш русский день?
Сколь велика та небесная сень?*

*Всё мы хотели, друг мой, узнать,
Всё мы узнали, когда воевать
Стали с фашистом, со злейшим врагом...
Тут и ползком, и пешком, и бегом
Всю нашу землю измерили мы —
Горестные землемеры войны.
Там, над Россиею, солнце встаёт,
Где батальон наш в атаку идёт.
Там, над Россиею, солнца закат,
Где батальону — ни шагу назад!*

*Помнишь, у булочной — свежий плакат:
Женщина сбросила на плечи плат,
Будто бежит по России, кричит,
Дух в ней встревожен, и сердце стучит.
В тёмных глазах её — горе, беда,
Будто не знает, бежать ей куда?
Мы её сразу узнали: она!
Родина наша, родная страна!*

*Я её видел: в разливе цветов...
В белой метели с упряжкой волов,
Сена везущих огромный воз,
Лик её в льдинках от ветра и слёз...
Видел в прополке на знойных полях,
Видел на длинных речных отмелях
С грудой отстиранных половиков
В стылой воде, да под самый Покров...
С сумкой почтовой спешила она...
Веяла рожь на току у гумна...
С девками в ночь хороводы вела...
По лесу с хвостом, с песней брела...*

*Долго нас, юных, ей ждать не пришлось,
Следом за старшими нам довелось
Выйти из дому на жатву войны,
Мы ведь послушные были сыны.
Как воевали? — Как только могли,
Просто стреляли, бежали, ползли,
Просто дурели от той кутерьмы,
Знали, конечно, что воины мы.*

*Знать-то мы знали, а страх-то берёт:
Вражия пуля ан в сердце войдёт...
Знать-то мы знали, а ужас нас брал,
Я пред атакой поклоны всё клал
Матери Божьей, Христу, Всем Святым
Способом старым, христианским, простым:
В землю окопную ткнусь головой,
Да и молюся молитвой одной:*

*“Боже, помилуй мя! Матерь, спаси!
Дай мне фашистов прогнать из Руси!
Боже, помилуй, не дай умереть!
Дай мне поганых в бою одолеть!”*

*Так и молился, пока наш комвзвод
Не закричит: “Всем в атаку, вперёд!”
Тут уж, что делать, была не была —
Жизнь тебе встречу с судьбой поднесла.*

*Тут уж не бойся, не трусь ничего,
Тут уж судьба твоя в Руце Его.
Тут уж не думай о смерти своей,
Тут уж с молитвою врага бей!*

*Кровь проливали, и было не жаль,
Мучила только по дому печаль.
Весточки слали и знали одно:
Матери молятся, смотря в окно,
Прямо из окон на Бога глядят:
“Господи, Боже, помилуй ребят!”*

*Господу слава! Вернулись домой,
Ты весь израненный, я весь седой.
Оба счастливые — нам двадцать лет,
Грудь в орденах и с махоркой кيسет.
Слава махорке! Крепка, брат, сильна,
Сколько спасла от печали она,
Ею затянется русский солдат,
Вспомнится сразу родной палисад,
Запах земли и травы, и избы,
Сладкая горечь ржаной молотбы...*

*Вроде махорка — просто дымок, —
А дух её тайный очень глубок.
Наша махорка! И дым от неё
Горький и сладкий, как наше житьё.
В мирное время дымок мне служил,
Если терпеть уже не было сил
Несправедливость и подлую ложь,
Бедность народа, предательства нож.*

*Скрутишь цыгарку, насыплешь махры,
Куришь и мыслишь до той, брат, поры,
Пока не почувствуешь запах войны,
Запах окопов, где мы — пацаны
Вместе в окопе сидим и поём...
Курят солдаты, а мыслят — о Нём —
О Всемогущем... о нашей стране,
Кто о невесте, а кто о жене...
Молятся, курят, готовятся в бой
Каждый, надеясь вернуться домой.*

*Сколько воды с той поры утекло!..
Мы увидали, как наше село
Гибнет, страдает средь мирного дня...
Страшные мысли терзают меня —
Враг окружил нас железным кольцом,
Бросил на гноище, в свалку лицом.*

*Враг — не фашисты, не немцы, “свои”!
Наши, российские! Шкуры они!
Сносят родимое наше село,
Сеют разруху, предательство, зло.
Нет ни колхозов, ни ферм, ни полей,*

*Землю скупают Отчизны моей!
Что защищали мы, старый солдат,
Всё забирают себе, кто богат.*

*Гонят крестьян да изводят народ,
Избы пустые, людишек — на взвод,
Да и на взвод на селе не собрать:
Старцы да старицы — души двадцать пять.
Держимся мы — ветераны войны,
Божия Матерь, вступишься за ны!
Нас обложили и власти, и суд,
Мы — в обороне! До смерти! И тут
Будем стоять! И ни шагу назад!..*

*В Праздник Победы был дождь, аккурат,
Свята Георгия памятный день...
Как зацвела и запахла сирень!
Мы крестным ходом вокруг церкви пошли,
Архимандрита, по счастью, нашли,
Старый, заштатный, но верный Отцам,
Враг олигархам — Руси продавцам.
Он бабушки Наси пришёлся роднёй,
Приехал к ней в гости с плащом и пешнёй,
Чтоб наловить у нас в речке ерша,
Рыбная речка у нас хороша!*

*Бог не оставил нас, старых, в беде —
Дал нам заступника — при бороде,
Митру надел он, да крест, да фелонь,
В яркой одежде он — словно огонь!
Правды огонь, прожигаящий тьму,
Все поклонились в пояс ему.
Он помолился за наш крестный ход,
Во поле вышел весь русский народ!*

*Вышли — все в белых-пребелых платках,
Будто бы стая заоблачных птах,
Словно слетелись на экстренный съезд
Для возрожденья родительских мест.
Все они — женщины — веры оплот,
С верой кладут за Отчизну живот,
Страху не имут, Господь их спаси,
Святые старухи живут на Руси!*

*За ними и мы, старики, как луни,
В белых рубахах, молчком, искони,
Святой Георгий — его помянем,
Вышел во поле с белым конём.
Конь наш колхозный, как архистратиг,
Глаз его верной отвагой горит,
Чистил я в речке его студеной,
Досыта поил студёной водой.*

*В сборе — подковы, седло, стремена,
Грива, конечно, в косу сплетена.
Взяли его вчетвером под уздцы,
Сильно строптивый, но мы ж — мудрецы!
Маршала Жукова дивный портрет
Мы на седло водрузили. И свет
Вдруг от портрета пошёл, от коня,
Многие видели — то не брехня!*

*Ахнули люди, и вздыбился конь,
И засияла под солнцем фелонь.
Гром прогремел, будто ухнул снаряд,
Чувство пришло: мы военный отряд!
Духом воспряли, и конь впереди,
Маршал наш с нами, Георгий, веди!
Подняли к небу хоругви, кресты,
Алое знамя — молитвы чисты!*

*Подняли гордо портреты вождей,
Тех, кто возглавил советских людей.
Всех командиров победной войны,
Всех полководцев великой страны,
Лают на них демократии псы,
Сталин и Жуков — мы ваши бойцы!*

*Мы не забудем и наших сельчан,
Сгибших на фронте, умерших от ран,
Все их портреты, погибших за нас,
Подняли смело в сей знаменный час!
Славься ж, могучий христианский народ!
Ходом церковным, сказать не боюсь,
Шли и молились за русскую Русь!
Наши святые — Георгий, Иван,
Иосиф и Сергей, Андрей, Митрофан —
Сколько их было — невидимо здесь, —
Воины русские — слава и честь!*

*Крестного хода чертям не сдержать!
Нас омофором покрой, Божья Мать!
Всех арестуют, до смерти забьют,
Но совесть России жиды не убьют!
Пусть кровопийцы, предатели, псы
Щупальца тянут, кладут на весы
Русскую землю и лес, и народ,
Взмолимся миром — идёт крестный ход!*

*Верим, в России столы торгашей
Бог опрокинет, погонит взашей
Нечисть неверных, бескровную рать
В царство Кащеево — прибыль искать!*

*Будущим летом, Петровым постом,
Снова с хоругвями и со крестом
Сможем, о, друг мой, село обойти,
С верой воззвать: “О, не попусти,
Не попусти, Божья Матерь, Господь,
Шейлокам новым Русь побороть!
Дело то правое, мы победим!
Родину нашу врагам не сдадим!”*

*Пусть же всегда средь потерь и невзгод
Живёт и красуется русский народ!*

Вячеслав Вадимович Воробьёв,
г. Москва.